

Чжан Шаопин

"ВИШНЕВЫЕ КОСТОЧКИ"

В статье анализируются произведения современных российских писательниц Л. Улицкой и Л. Петрушевской на предмет интертекстуальной связи с произведениями А. П. Чехова; оценивается характер заимствований из произведений классика, а также влияние постмодернизма. Особый практический интерес статьи представляет анализ причин такого редуцирующего прочтения классических текстов столь яркими представителями постмодернизма, как Улицкая и Петрушевская. По мнению автора статьи, современные писательницы наиболее чутко уловили "чеховскую волну", актуализируя в своих произведениях чеховские образы и вместе с тем искажая их в угоду современным постмодернистским тенденциям.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-2/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 2. С. 56-58. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

INITIATION SIGNS OF THE ADYGHE EPIC AND FOLKLORE CHARACTERS

Khakuasheva Madina Andreevna, Doctor in Philology
Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies
dinaarma@mail.ru

Borova Asiyat Ruslanovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
assbora@mail.ru

The article presents the most common typical features of common story places, the characters' peculiarities that should be considered as elements of an ancient initiation rite, which reflected to a different degree and at different levels in the Circassians' mythological-folklore texts. In spite of all their singularity, they repeat the common signs of characters' initiation that were marked by V. Ya. Propp by the example of the Russian fairy tales and folklore of other nations.

Key words and phrases: epic; folklore; neophyte; initiation; the Narts; subterranean; crossing; animals-helpers; naguchitsa.

УДК 82

В статье анализируются произведения современных российских писательниц Л. Улицкой и Л. Петрушевской на предмет интертекстуальной связи с произведениями А. П. Чехова; оценивается характер заимствований из произведений классика, а также влияние постмодернизма. Особый практический интерес статьи представляет анализ причин такого редуцирующего прочтения классических текстов столь яркими представителями постмодернизма, как Улицкая и Петрушевская. По мнению автора статьи, современные писательницы наиболее чутко уловили «чеховскую волну», актуализируя в своих произведениях чеховские образы и вместе с тем искажая их в угоду современным постмодернистским тенденциям.

Ключевые слова и фразы: А. Чехов; Л. Улицкая; Л. Петрушевская; постмодернизм; сиквел; претекст; драматургия; традиции.

Чжан Шаопин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
angeloping@gmail.com

«ВИШНЕВЫЕ КОСТОЧКИ»

Распад СССР и образование нового государства, слом старой идеологии и новые реалии жизни при капитализме не могли не сказаться на настроениях, царящих в современном русском обществе, и не отразиться, как в зеркале, в современной литературе. Один из ярких примеров такого настроения «смены эпох» можно увидеть в «Русском варенье» Л. Улицкой – с бессмертным произведением А. П. Чехова «Вишневый сад» его «роднит», если можно так сказать, процесс «замены старого на новое», смены мировоззрения. На смену тем, кто держится за осколки прошлого, приходят новые «властелины эпохи» – дельцы и торговцы, бизнесмены – одним словом. Не потому ли вспоминается «Вишневый сад», что создается впечатление – «все это уже было»? В этом контексте «традиция» приобретает эпохальный характер, расширяя временные рамки от конца XIX века и начала XX столетия (это был тоже период глубоких структурных инноваций и перемен) до рубежа веков XX и XXI. И действительно, многое в творчестве Чехова «напоминает» жившим несколькими десятилетиями позже современными реалии – будь то прототип советских «Палат № 6», куда заключали «неудобных» и «несогласных» с режимом здравомыслящих людей, которые могли бы стать двигателями нового развития общественной идеологии; будь то смена собственности, упадок и разорение прежних хозяев и приход людей новой формации.

Одно из самых заметных произведений в современном культурном пространстве постмодернизма, связанных с именем А. П. Чехова, – опубликованная Л. Улицкой в 2007 г. в одноименном сборнике пьеса «Русское варенье». По признанию самой писательницы, ей пришла в голову забавная идея – «поговорить с Чеховым» [1, с. 142]. В основу задуманного «варенья» легла пьеса «Вишневый сад», хотя кое-где по ходу сюжета проскальзывают намеки и на «Трех сестер». Персонажи «Русского варенья» продолжают генеральную линию, заданную еще в «Вишневом саде». Имение (дача) в итоге идет на продажу, герои демонстрируют ту же халатность и неумение распоряжаться деньгами, то же бессмысленное, бестолковое ведение хозяйства, что и в чеховском тексте, – с той лишь разницей, что подмеченные Чеховым изъяны в постмодернистском изображении приобрели почти нереальные, гипертрофированные черты.

«Русское варенье» – это однозначно комедия, причем хотя суть ее улавливается сразу, но все же остается чувство недоумения: для чего все это писалось и создавалось? Людмила Улицкая – достаточно значимая личность в современной русской литературе, и многие ее произведения, равно как и ее стиль изложения, очень импонируют русскоязычной читательской аудитории. Однако при всем уважении к писательнице Л. Улицкой и ее творчеству «Русское варенье» вряд ли можно назвать сильным или выдающимся произведением. Скорее, это – один из серии бесконечных сиквелов, так характерных для постмодернизма. Сиквел,

который, по словам Е. Н. Петуховой, демонстрирует все признаки постмодернистского произведения [5, с. 364]. Кое-кто из исследователей (Н. Ю. Буровцева) усматривает в данном произведении основные приемы чеховской драматургии [1, с. 142], а саму пьесу называет «узнаваемо чеховской» по характеру драматургического конфликта, набору персонажей и месту действия. Однако целью создания произведения все-таки должно быть что-то более глубокое, более основательный базис, чем просто создание идеального, отвечающего всем признакам постмодернизма очередного сиквела на классическую тему. Литературное «баловство», конечно, было свойственно многим очень серьезным писателям, но те произведения вряд ли можно считать заслуживающими особого внимания.

Освещаемая Улицкой тема о вымирании русской интеллигенции («теперь таких не делают»), о лишних людях созвучна Чехову и вполне серьезна. Кажется, что она могла бы вылиться в более вдумчивое, серьезное произведение, в традициях А. П. Чехова или нет, но в любом случае актуальное и привлекающее внимание современного читателя, которому не безразлична судьба страны и ее будущее. И необязательно в каждом действии должен выглядывать портрет Антона Павловича – он может присутствовать на страницах незримо, через писательские приемы изображения действительности, организацию пространства произведения, через отточенный литературный язык, через отношение к персонажам и так далее – если эти заимствования будут не наигранными, а, скажем, освоенными с целью воспринять все лучшее, что было достигнуто им и передано будущим поколениям.

Наиболее проникновенным произведением, отсылающим к творчеству А. П. Чехова, на мой взгляд, является пьеса Л. Петрушевской «Три девушки в голубом». Грустная и немного трагичная история о трех молодых женщинах, вынужденных столкнуться со сложными бытовыми проблемами (остаться одной без мужа, растить одной, без помощи, сына, жизнь в старом разваливающемся доме). В пьесе нет прямых параллелей с чеховским произведением: три женщины совсем не сестры друг другу, у них даже другие имена. Дом, в котором они живут, – тоже не их, да и не боролись чеховские сестры за право жить в более приличной комнате, как это делают сестры в отсутствие Ирины. У Петрушевской все наоборот – трех молодых женщин объединяет скорее общий неустроенный быт, сам факт проживания в одном доме, чем теплые искренние отношения. Даже дружескими, соседскими их отношения назвать сложно.

Развитие сюжета тоже далеко от чеховского, оно идет по своим сюжетным линиям: совместная жизнь на разваливающейся даче, краткий роман Ирины, заканчивающийся трагичным недоразумением, сообщение от матери, которая собирается ложиться в больницу и оставляет маленького ребенка запертым в квартире, путь Ирины домой – все это не имеет никакого отношения к классику. Но в то же время в «трех девушках» присутствуют какие-то невидимые нити, связывающие их с чеховскими героинями. «Три девушки» – звучит почти как «три сестры», связать логически название произведения с чеховским можно, такая связь даже напрашивается. Но в отличие от «Русского варенья» название – почти единственный намек на классических трех сестер. Исследователь Е. Н. Петухова тем не менее видит эту связь: три женщины живут в том самом будущем, о котором когда-то мечтали чеховские сестры – прекрасном и счастливым. В реальности мечты оказываются горькой насмешкой – действительность такова, что новые «сестры» в тяжелых условиях даже мечтать не могут, их жизнь беспросветна. Они никому не нужны, с их же слов – все неудачны в браке. Все они работают, трудятся, но условия жизни у них ужасные. В их словах и поступках даже нет протеста против повседневной действительности – только тоска и отчаяние. Сами портреты «девушек» весьма далеки от образованных и хорошо воспитанных чеховских сестер – их речь порой неграмотна, изобилует просторечными выражениями [6, с. 78]. Поступки героинь Петрушевской под стать их манере речи и выдают далеко не лучшие черты характера: наглость, грубость, корысть, отсутствие уважения к другому человеку, отсутствие тактичности, доброжелательности, ума. Неужели такими стали «внучки» высоко нравственных чеховских барышень? По-видимому, да, этот контраст недаром показан в более густых красках, чем он мог бы быть в реальной жизни. Тема «измельчали люди» созвучна той, которая правит основной бал в «Русском варенье». Упадок, регрессия и пессимизм, преувеличение и выпячивание негативных сторон, уныние, отрицание всякого развития – вот такой «привет Чехову» через век от постмодернистов настоящего времени...

Но, думается мне, повесть Петрушевской гораздо глубже. Есть в ней и сюжеты на «злобу дня», есть гендерные признаки, характерные для России XX столетия (много женщин, мало мужчин; одиночество и ненужность, в принципе, хороших девушек, которые вынуждены соглашаться на такие позорные отношения, как роман Ирины с Николаем Ивановичем). Душевные переживания главной героини Ирины, которая после испытанного ужаса за судьбу своего ребенка становится чуть мягче, уступчивее, чуточку добрее – эта трансформация не укладывается в рамки общего тона постмодернистского произведения, но в то же время она тоже бросает мостик к А. П. Чехову, с его верой в лучшее, что заложено в человеке.

Л. Петрушевская, возможно, из современных писателей более других близка к Чехову. В ее произведениях есть то же, присущее Чехову, внимание к деталям; то же умение показать «ненормальное» в том, что считается якобы привычным и нормальным, но сделать это без излишнего фарса и кривляния; можно добавить также подмеченный Е. Н. Петуховой «бытовизм в сочетании с реалистическим психологизмом» [Там же, с. 75], развитие сюжета в рамках бытовой ситуации, выявляющей тем не менее глубокие личностные и общественные проблемы, выходящие за рамки описываемого в произведениях круга лиц; и самое главное – осознание персонажами «ценностей, выходящих за пределы повседневной суеты» [Там же]. В произведениях Петрушевской последнее происходит как некий надлом, озарение, можно сказать, катарсис – в этом особенность ее изображения персонажей. Но в целом же если говорить о традициях Чехова, то именно у Петрушевской, на мой взгляд, они проявляются наиболее ярко.

Наличие упомянутых выше произведений и аналогичных им, часто невысокого художественного качества, за исключением некоторых, говорит о том, что поднятые Чеховым темы актуальны и для сегодняшнего дня, что констатируют многие современные исследователи, называя Чехова писателем не XIX, а в большей степени XX столетия (В. Я. Лакшин [Там же, с. 4]). Не до конца изученной, хотя очень интересной представляется теория о том, что Антон Павлович мог быть одним из предшественников такого литературного направления, как постмодернизм. Интерес вызывают чем-то близкие к нему по духу «Три девушки в голубом» Л. Петрушевской и сваренное по рецепту постмодернистов «Русское варенье» Л. Улицкой – русские современные писательницы более чутко, на мой взгляд, уловили «чеховскую волну» и постарались использовать ее в своей «литературной кухне».

Таким образом, мы видим, что современная русская литература широко заимствует литературное наследие Чехова, опираясь на заложенные им традиции или отталкиваясь от них для пародийного обыгрывания, в духе постмодернизма, используя в качестве претекста для последующих интерпретаций. Однако хотелось бы, наверное, пожелать, чтобы передача традиций Чехова молодым писателям была более серьезной, заимствующей наиболее ценное, создающей в результате такие же блестящие шедевры русской литературной мысли.

Список литературы

1. Буровцева Н. Ю. «Русское варенье» по рецепту доктора Чехова (диалог с классиком в пьесе Л. Улицкой) // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 142-146.
2. Катаев В. Б. Игра в осколки: судьбы русской классики в эпоху постмодернизма. М.: Изд-во МГУ, 2002. 252 с.
3. Катаев В. Б. Чехов плюс...: предшественники, современники, преемники. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 391 с.
4. Петрушевская Л. С. Три девушки в голубом [Электронный ресурс]. URL: <http://lib-drama.narod.ru/petrushevskaya/girls.html> (дата обращения: 29.08.2016).
5. Петухова Е. Н. Диалог с Чеховым: «Русское варенье» Л. Улицкой // Диалог с Чеховым: сборник научных трудов в честь 70-летия В. Б. Катаева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 363-372.
6. Петухова Е. Н. Притяжение Чехова: Чехов и русская литература конца XX века: монография. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2005. 118 с.
7. Улицкая Л. Е. Русское варенье: пьесы. М.: Астрель, 2012. 317 с.

“CHERRY STONES”

Zhang Shaoping

Lomonosov Moscow State University
angeloping@gmail.com

The article analyzes the works of contemporary Russian writers L. Ulitskaya and L. Petrushevskaya on the subject of intertextual relations with the works of A. P. Chekhov. The character of borrowings from the works of the classic, and the influence of postmodernism are evaluated. The analysis of the causes of such reduced reading of classical texts by so bright representatives of postmodernism as Ulitskaya and Petrushevskaya presents a special practical interest of the paper. According to the author's view, contemporary writers caught “the Chekhov's wave” most keenly, actualizing the Chekhov images and at the same time distorting them in favor of modern and post-modern trends.

Key words and phrases: A. Chekhov; L. Ulitskaya; L. Petrushevskaya; postmodernism; sequel; pretext; dramaturgy; traditions.

УДК 82

Статья посвящена зарубежной публицистике Магомета Котиева. В данной работе рассматривается проблематика статей публициста, которые были опубликованы в ряде журналов Турции и ранее введены автором исследования в научный оборот. Данное направление дополнено рассмотрением идейно-тематической направленности зарубежной публицистики М. Котиева, а также новыми сведениями по литературной деятельности публициста. Считаем, что данная проблема мало изучена и требует дальнейших исследований.

Ключевые слова и фразы: зарубежная публицистика; публицист; эмиграция; депортация; геноцид; освободительная борьба горцев; борьба против коммунистического строя; идейно-тематическая направленность.

Ялхароева Марем Ахметовна, к. филол. н.

Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Ч. Э. Ахриева
mareyalharoeva@mail.ru

ПРОБЛЕМАТИКА ЗАРУБЕЖНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ МАГОМЕТА КОТИЕВА

Творчество известного ингушского публициста Магомета Котиева делится на три периода: дореволюционный, период Гражданской войны и зарубежный. Последний период в творчестве публициста был одним из самых плодотворных.